

К 125-летию со дня рождения А. П. Чехова

О БУДНИЧНОМ И НЕОБЫЧАЙНОМ

КИНОФИЛЬМЫ Владимира Мотыля хорошо известны: «Женя, Женечка и Катюша» (сценарий совместно с Булатом Окуджавой), «Белое солнце пустыни», «Звезда пленительного счастья», «Лес» (по мотивам пьесы Островского). Его новый телевизионный фильм называется «Невероятное пари, или Истинное происшествие, благополучно завершившееся сто лет назад». Согласитесь, что название несколько диковинное и чересчур завлекательное для Чехова, у которого произведения озаглавливаются, как правило, более спокойно: «Скучная история», «Крыжовник», «Дама с собачкой»...

Писавшие о Чехове охотно говорили о его склонности к сюжетам житейски-обычным, как будто разряженным, лишенным напряжения. Мелькали определения: «бессюжетный», «бессобытийный». Но так ли это? Вспомним «Драму на охоте», где речь идет о загадочном убийстве, затейливо-веселый детектив «Шведская спичка», подчеркнута страховидный рассказ «Страшная ночь» с неожиданной развязкой, «В рождественскую ночь». Чехов разнообразен, он не исчерпывается ни одной жесткой и категорической характеристикой, претендующей на исчерпывающую всеохватность.

Основу фильма Владимира Мотыля (сценарий Е. Митько) составляет полуфантастический рассказ «Пари». Один молодой человек-юрист (Б. Плотников) заключает пари с банкиром-миллионером (А. Петренко). Он добровольно садится в тюрьму на 15 лет, после чего, согласно договору, если отсидит свой срок до конца, получит от банкира два миллиона рублей.

Конец рассказа — долгожданный и неожиданный. За годы одинокого заключения арестант-философ приходит к выводу, что все богатства, о которых он так мечтал, — одна суета.

И он выходит из тюрьмы за пять часов до условленного срока, намеренно нарушает договор, чтобы отказаться от обещанных ему миллионов. Теперь он свободен от всего — от тюрьмы и от денег.

«Пари» — своеобразная рама фильма. Параллельно с действием этого рассказа проходят сюжеты других произведений Чехова — «Жилец», «Из воспоминаний идеалиста», «Неосторожность», «На мельнице», «Сапожник и нечистая сила». Спор, растянувшийся на полтора десятилетия, размышления о смысле жизни, за которыми — судьба человека, лихорадочно считающего дни. Сюжет резко необычен.

А рядом — житейски-будничные истории. Жалкий муж-подкаблучник (С. Садальский), он у своей жены (ее уверенно играет Л. Целиковская) не муж, даже не сожитель, а так, «жилец»... Идеалист, в котором нет ничего идеального... Незадачливый обыватель, выпивший по неосторожности вместо водки керосина (А. Кожевников)... Мельник (Ю. Смирнов) — хапуга и сквалыжник, безжалостный к родной матери (Г. Скоробогатова)... Сон пьяного сапожника

(эта роль — дебют С. Скрипкина).

Конструкция фильма двуплановая, полет фантазии то и дело перебивается грубым бытом.

Выразительно сделан финал картины. Заключенный выходит из тюрьмы, он распростился с мечтой о миллионах, его радует встреча с самой жизнью, с природой, дразнят лесные запахи, кукует кукушка...

А мимо проходят персонажи как будто из другого мира, проходит та суета сует, которую он с себя отряхнул.

Итак, фантазия и быт — две стороны фильма. Однако быт у Чехова, тем более молодого, лишен тягучести и тяжеловесности. Рассказ «Неосторожность» занимает всего четыре страницы. Чувствуется в нем легкость анекдота, забавного случая. Не то в телефильме. Выпив керосину, артист начинает подробно и обстоятельно «играть» отравление. Можно сказать, что он слишком хорошо играет, чересчур усердно. И чем больше он старается, кричит, стонет, причитает — тем меньше остается на долю смеха. Даже и не знаешь, жалеть ли этого беднягу или смеяться.

У юмора — свой ритм. У чеховского юмора — в особенности. Нельзя его произвольно замедлять и утяжелять.

Другой пример. В чеховской записной книжке есть такая запись:

«— Отчего умер ваш дядя?

— Он вместо 15 капель Боткина, как прописал доктор, принимал 16».

Истинно чеховская шутка: судьба человека решается одной лишней каплей лекарства. Есть в этом нечто фантастическое, невероятное.

Что делают авторы фильма? Они эту шутку пересаживают в эпизод по рассказу «Из воспоминаний идеалиста». «Идеалист» — его роль тонко, томно, изысканно играет М. Козаков — настойчиво допрашивает дачевладельцу (в изысканном исполнении И. Муравьевой):

«— Отчего все-таки умер ваш дядя?

И наконец узнает о 16 каплях вместо 15. Сценка — подчеркнута бытовая, и «капли» явно не отсюда.

К слову сказать, трансплантация художественной детали — операция весьма сложная. Кажется, пересадил, а вдруг начинается отчуждение, на новом месте шутка не приживается. Чеховский юмор уникален и незаменим. Он, если можно так сказать, трудно трансплантируем.

Создатели фильма говорят зрителю: Чехов не всегда будничен, не ищите в нем только приземленности. Он легок и смело взлетает над правдоподобием. И в этом — необычность фильма, его несомненное достоинство. Прекрасна музыка И. Шварца, да и вообще в фильме много хорошего. И все-таки не оставляет ощущение, что Чехов — просто Чехов, — повседневный, обыкновенный, оказался для создателей фильма более трудным, чем Чехов фантастически-необычайный.

3. ПАПЕРНЫЙ.